Текст · 10 ноября 2022, 07:23
Economist,

Вторжение из прошлого. Журнал Economist объясняет, почему развязанная Путиным в Украине война — чудовищный анахронизм

За последние 200 лет на фронтах международных войн погибли больше 30 млн человек. Но со временем войны становятся все менее кровопролитными, а международные конфликты — все более редкими. При этом случаев, когда одно государство успешно захватило бы территории другого, в последние десятилетия почти не было. Журнал *Economist* проанализировал военную статистику за два века и показывает, как Владимир Путин пытается вернуть мир в кровавое прошлое. С разрешения редакции «Медиазона» публикует перевод этой статьи.

Владимир Путин любит исторические штудии. Говорят, долгие месяцы коронавирусной изоляции он провел в изучении кремлевских архивов и грезах о восстановлении былого величия России. Он восхищается первыми Романовыми и даже сравнивает себя с Петром I, который в Северной войне со Швецией обеспечил своей стране господство на Балтике. Аннексия Крыма в 2014 году, которая поначалу казалась ситуативной, теперь представляется первым шагом на пути к захвату украинских земель — «исторических территорий», об утрате которых Путин сокрушался в речи о признании ЛНР и ДНР за три дня до начала войны. Восемь месяцев спустя российские войска контролируют около 15% территории Украины, и

там даже прошли бутафорские референдумы, но идет контрнаступление. Вторжение ослабило, а не укрепило Россию. Напав на соседнее независимое государство, Путин пытается повернуть историю вспять. Но у него не получается.

Число войн между странами существенно сократилось после окончания Второй мировой — по множеству причин. Разумеется, нельзя сказать, что они прекратились вовсе и на земле воцарился мир: гражданские войны (вроде той, которая прямо сейчас бушует в Эфиопии), государственный террор и прочие формы массового насилия по-прежнему приводят к огромным жертвам. Колониальные войны за независимость порой тоже были очень кровопролитными. Но случаи, когда одно государство отправляет армию воевать на территории другого, стали гораздо более редкими.

То, что пытается сделать Владимир Путин, по современным меркам еще большая редкость: имперский захват территорий другого государства. За несколько недель до начала войны в Украине историк и публицист Юваль Ной Харари писал: «Большинство правительств перестали рассматривать агрессивные войны как приемлемый инструмент для продвижения своих интересов, а большинство народов перестали мечтать о завоевании соседей». Саддам Хусейн оказался неправ, предполагая, что другие страны позволят Ираку поглотить Кувейт в 1990 году. Прочие примеры — вроде индийского захвата Гоа в 1961 году и Сиккима в 1975-м — относятся к еще более далекому прошлому. Китай может попробовать нечто подобное с Тайванем, но пока — за

исключением путинского вторжения и конфликтов вокруг пустынных приграничных территорий и маленьких островов — феномен практически исчез.

И это совсем не случайно. Причины, по которым таких войн больше почти нет, довольно много говорят нам о том, насколько изменилась природа взаимодействия стран между собой за последние десятилетия. Путинская агрессия — исключение из правила, и она, скорее всего, окончится неудачей.

За свидетельствами того, что войн становится меньше, далеко ходить не надо. Международный проект *Correlates of War* уже давно собирает данные обо всех вооруженных конфликтах между государствами с 1816 года, то есть с окончания Наполеоновских войн. По его расчетам, число таких войн, в которых при этом была как минимум тысяча смертей за год, стремительно сокращается.

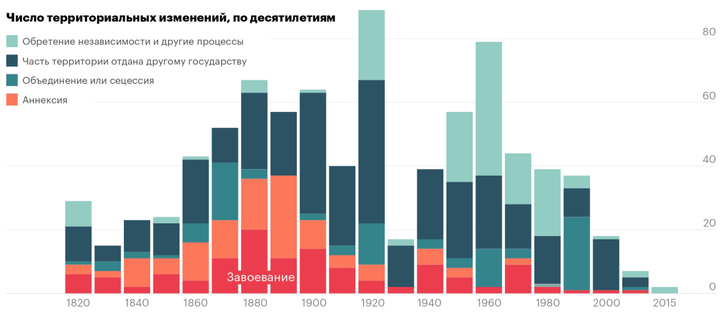
Причин тут множество. В странах, где экономика очень сильно зависит от международной торговли, цена войны возрастает. В свою очередь, чем меньше барьеров в торговле, тем менее выгодны конфликты в принципе. Зачем вторгаться на чужие территории ради захвата новых рынков, если эти рынки и так открыты? Разумеется, этого недостаточно для поддержания мира, как показала Первая мировая, но стимулов для конфликтов становится меньше. При этом войны очень редко случаются между демократическими странами, а их число за последние 200 лет существенно выросло. Наконец, стратегическое ядерное оружие делает тотальную войну настолько же разрушительной, насколько и маловероятной.

Конечно, локальные конфликты по-прежнему случаются часто. Но даже если считать все международные столкновения, унесшие жизни больше 25 человек, доля погибших в боевых действиях от всего мирового населения (см. график) стремительно падает. Отчасти это объясняется небывалым прогрессом в подготовке и экипировке солдат, а также развитием медицины. По подсчетам исследователей, соотношение раненых к убитым повысилось более чем в два раза за последние 50 лет.

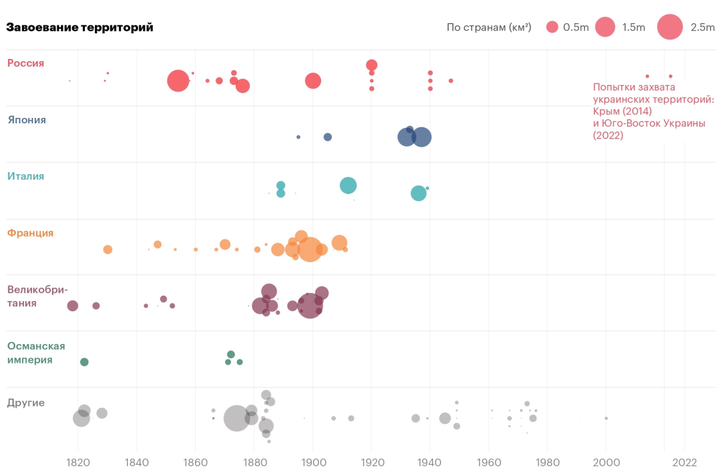

Впрочем, в Украине число жертв войны уже чрезвычайно высоко. Оценки разнятся, но речь идет о потерях в 16,5–50 тысяч солдат с обеих

сторон. В сентябре Бен Уоллес, министр обороны Великобритании, заявил, что потери российской армии убитыми и ранеными доходят до 80 тысяч.

Большая смертоносная война, которую развязал Владимир Путин в Украине, выглядит очень необычно на фоне исторических тенденций. Но его цель — при помощи военной силы увеличить и без того огромную территорию России — не просто редкость. Это аберрация. По данным *Correlates of War*, с конца 1970-х и до аннексии Крыма в 2014 году в мире не было ни одного захвата больших территорий. Даже попытки это делать практически сошли на нет: по подсчетам политолога Дэна Олтмена, если после Первой мировой агрессивные посягательства на чужие территории случались примерно раз в год, то в последние десятилетия их число стремится к нулю — если исключить небольшие острова и пустынные регионы.

По данным *Correlates of War*, если взять типичное десятилетие между 1850 и 1940 годом, то в среднем у 1% населения земли менялась власть вследствие завоевания. Но за последние 40 лет, если не брать в расчет Украину, такое случилось меньше чем с сотней

тысяч человек (а это 0,001% мирового населения), и почти все они жили на территориях, за которые воевали в 2020 году Армения и Азербайджан.

Шестидневная война. 1967 год

Даже если война физически не уничтожает производственный потенциал региона, его экономическая активность, которая раньше зависела в первую очередь от земли и природных ресурсов, в современном мире определяется человеческим капиталом. Люди вряд ли будут эффективно работать в зоне боевых действий или под властью захватчиков. Если у них будет такая возможность, они, скорее всего, уедут. Меры безопасности, которые зачастую нужны для того, чтобы держать захваченные территории под контролем, предполагают запрет на передвижение и свободную торговлю — и это подрывает экономический рост.

Разрушенная египетская бронетехника вдоль дороги на Синае, 5 июня 1967 года. Фото: Reuters

Взять, к примеру, Западный берег реки Иордан — регион, который Израиль захватил в ходе Шестидневной войны против арабских государств в 1967 году. За полвека израильские власти построили множество поселений — как в районе Восточного Иерусалима, который был формально аннексирован в 1980-м, так и по всему Западному берегу. Сегодня Израиль полностью контролирует около 60% региона. Остальное

находится либо в совместной палестино-израильской юрисдикции, либо под контролем Палестинской национальной администрации, которую, в свою очередь, контролирует Израиль.

Одни израильские политики считают, что в будущем будет возможно мирное соглашение, по которому Западный берег станет основой для создания Палестинского государства. Другие уверены, что его нужно полностью аннексировать. Сам регион тем временем хиреет. По данным ООН, в 2019 году ВВП на душу населения на Западном берегу и в секторе Газа, который также был захвачен в ходе Шестидневной войны, составлял $3,7 тысячи — против $44 тысяч в Израиле. При этом контролировать сектор Газа было настолько тяжело, что в 2005 году израильтянам пришлось эвакуировать оттуда 8500 поселенцев.

Карл Кейзен, который был заместителем советника по национальной безопасности в администрации Джона Кеннеди, а затем преподавал в Массачусетском технологическом институте, в 1990 году задавался вопросом, может ли завоеванное индустриальное общество быть полностью инкорпорировано в состав современного государства, если жители против этого. Население нужно расположить к себе, хотя иногда людей удается эксплуатировать и без этого. Профессор Нью-Йоркского городского университета Питер Либерман отмечает, что Японии, которая между 1895 и 1931 годами захватила Корею, Маньчжурию и Тайвань, удалось создать «экономически успешную империю с репрессивными институтами». Но для этого понадобились чудовищная жестокость и постоянный военный контроль территорий.

Глобализация тоже уничтожает стимулы для завоеваний. Радикальное снижение транспортных издержек за последнее столетие позволяет странам торговать и получать ресурсы на огромных расстояниях — для этого уже не нужны соседи. И чем меньше между государствами тарифов и прочих барьеров, тем меньше смысла захватывать новые рынки силой.

Война в Афганистане. 2001 год

Те, кто пытается удержать территории силой, сталкиваются с огромными трудностями. США и их союзники в полной мере испытали это на себе, когда попытались превратить в современную демократию

Афганистан — после того как вторглись туда и изгнали талибов в 2001 году.

Солдаты Северного альянса на границе провинции Кундуз, 22 ноября 2001 года. Фото: Gleb Garanich / Reuters

Несмотря на тотальное военное превосходство оккупантов, например полный контроль неба, «Талибан» в конце концов победил, униженные американцы бежали из страны в 2021-м. Решительно настроенные боевики, которых зачастую поддерживало местное население, оказались лучше готовы к потерям и изнурительным боям, чем их противники. Усилиям США по наведению в стране порядка противостоял и соседний Пакистан, который помогал талибам военными ресурсами и разведданными. При этом невероятно высокая цена, которую приходилось платить за оккупацию далекой и изолированной азиатской территории, стала серьезной проблемой для американских политиков, которым нужно было отчитываться перед своими избирателями.

Отчасти это связано с тем, что граждане ждут от государства возможностей для роста, идет ли речь об образовании, медицине или экономических возможностях. Издержки здесь могут быть очень высокими, и это создает напряжение между властями и обществом. При этом во многих странах национальная идентичность людей становится гораздо более четкой, чем раньше. Этому способствует начальное

образование и изучение национальных языков, которое часто оказывается причиной конфликтов на оккупированных территориях. Другой важный фактор — устойчивые границы: национальная идентичность людей, которые десятилетиями живут вместе, укрепляется. Именно поэтому в Украине даже южные и восточные регионы, где традиционно преобладает русскоязычное население, после начала вторжения настроены антироссийски. В важнейшем для русской культуры и истории городе, Одессе, украинские флаги висят на каждом углу.

У оккупантов стало гораздо меньше средств для того, чтобы держать территории под контролем — или хотя бы делать вид, что у них это получается. Рабство и тактика «разделяй и властвуй», которые помогали Британии держать под контролем свою огромную империю, в современном мире невообразимы. Не говоря уж о геноциде, который может стать законным основанием для военного вмешательства третьих стран.

Война в Персидском заливе. 1990 год

Не только такие преступления, как геноцид, могут сподвигнуть другие государства вмешаться в конфликт. 2 августа 1990 года иракские войска вторглись в Кувейт, а четыре недели спустя Саддам Хусейн объявил кувейтские территории 19-й провинцией Ирака. Реакция остального мира была молниеносной. На следующий день после начала вторжения Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 660, которая осуждала действия Ирака. Даже Россия и Китай были готовы

подключиться к интервенции против Хусейна, которую готовили США. ООН приняла еще 11 резолюций, и после того как Ирак не выполнил несколько требований вывести войска, началась операция «Буря в пустыне». Коалиция из 35 стран за шесть недель победила иракскую армию.

Морские пехотинцы США во время операции «Буря в пустыне», 1 февраля 1991 года. Фото: Peter De Jong / AP

Война в Персидском заливе случилась на излете

холодной войны, когда мировое господство США достигло своего пика, и это самый чистый из недавних примеров того, как мир противостоит завоеваниям. Консенсус, который установился в мировом истеблишменте, — причина того, что столь немногие страны существенно расширили свои территории после Второй мировой войны. Причем это справедливо даже для тех регионов, где трудно было предполагать устойчивость границ, например в Африке, где многие страны совсем недавно обрели независимость. В 1975 году марокканские и мавританские войска вторглись в Западную Сахару, но после этого все изменения границ на континенте были результатом сецессии (как в случае с Эритреей и Южным Суданом), а не завоевания. Существующие нормы и институты далеко не всегда способны удержать ту или иную страну от вторжения.

Но общественное мнение, международное право и международные институции способны сделать так, что оно не увенчается успехом.

Имперское сознание

Владимир Путин уже давно не обращает внимания на все эти аргументы. И ему нет дела до того, как другие понимают прошлое. «Вот люди, которые имеют свои собственные взгляды на историю нашей страны, могут поспорить, но мне кажется, что русский и украинский народ — это практически один народ, вот кто бы чего ни говорил», — сказал он еще в 2014 году, меньше чем через полгода после того, как аннексировал Крым. Возможно, западным державам стоило бы куда раньше разглядеть за подобными ремарками территориальные амбиции Путина.

Но теперь они полны решимости защитить международные нормы, которые не позволяли другим странам расширять свои границы при помощи силы. Запад не посылает в Украину войска, но помогает ей самым современным оружием, обучением солдат и деньгами, а также пытается бить по путинскому режиму санкциями. 21 сентября, выступая на Генассамблее ООН, американский президент Джо Байден сформулировал это так: «Если страны смогут удовлетворять имперские амбиции без каких-либо последствий для себя, мы поставим под угрозу все то, что было положено в основу ООН. Абсолютно все».

Источники данных: *Correlates of War Project, Our World In Data, World Bank, The Economist.* Все данные, которые использованы в этой статье, а также код для их обработки можно скачать на *GitHub*.

Оригинал: *Vladimir Putin is dragging the world back to a bloodier time, The Economist*, *October 24, 2022*

Перевод: Д.Г.

© 2022, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com